

Андреев А. Н.
(Россия, Москва)

РАЗУМ VS ИНТЕЛЛЕКТ: ВЕРСИЯ ФИЛОСОФИИ ЛИТЕРАТУРЫ

Ключевые слова: разум, интеллект, сознание, психика, информация, философия литературы, Пушкин, Пиковая дама

Аннотация: характеризуются функции таких понятий, как разум, интеллект, информация. Показано, как эти понятия функционируют в художественном тексте на примере «Пиковой дамы» А.С. Пушкина. Предлагаемый взгляд на произведение позволяет обнаружить в нем глубокую концептуальную основу – гораздо более глубокую, чем это принято считать.

1

Если всмотреться в самое ядро художественной литературы, определяющее ее природу, то литература предстанет перед нами как некая информационная субстанция – как тип управления информацией, если быть точным.

Именно так: в основе функционирования литературы лежит информация и, следовательно, принципы ее структурирования.

В связи с этим опорный тезис нашей работы таков: литература (в своих высочайших образцах) является своеобразным модусом противостояния разума (Р) и интеллекта (И).

Почему именно литература и почему непременно противостояния?

Для начала необходимо прояснить, какое отношение Р и И имеют к информации. Мы будем говорить о Р и И как о категориях информационных, представляющих человека как существо информационное. Говорить о человеке – значит, говорить об информации и о типах управления информацией.

Не вдаваясь в подробности, укажем на очевидное и, как представляется, относительно бесспорное в таком темном деле, каким является взаимодействие сферы чувственной (бессознательного) и сферы рациональной (сознательного). При этом мы не станем затрагивать такие узкоспециальные темы, как, например, карты нейронных связей в человеческом мозге, биологические механизмы формирования эмоций, удержания информации, обработки памяти и иные вопросы, так или иначе связанные с функционированием информации. Нас будет интересовать не мозг человека, а вопросы гносеологического порядка, проблемы, касающиеся содержательного аспекта информации – мы сосредоточимся на философии информации, а не на механизмах, обеспечивающих пребывание человека в «информационном пространстве».

Итак, касаясь темы *человек и информация*, мы вынуждены констатировать, что человек обладает телом, психикой (душой), сознанием (прежде всего такими его разновидностями, как Р и И). Психосоматическое начало в человеке – это натура; начало сознательное, которое также смыкается с психикой в ее вершинных проявлениях, – это уже измерение культуры.

Однако мало сказать, что человек обладает названными информационными измерениями; он представляет собой насквозь противоречивое, если так можно выразиться, средоточие информационных пластов: психика способна воспри-

нимать как сигналы (сообщения) тела, так и сигналы сознания (природное и культурное в информационной цепочке могут меняться местами); в результате человек становится одновременно и закрытой, и открытой *информационной системой*. Это замечено давно и выражено в простой и емкой формуле: *mens sana in corpore sano*. В здоровом теле здоровый дух: телесная, эмоциональная и рациональная сферы работают не в автономном режиме, а в режиме плотной взаимосвязи, в режиме системы.

Вот это положение является главным. Мы можем спорить о функциях сознания или психики, выделять высший и низший тип нервной деятельности, спорить о том, где заканчиваются функции психики и начинается деятельность сознания, по-разному трактовать сам феномен когнитивной психологии или соматической психологии и т.д. Вместе с тем наши далеко не полные знания о принципах функционирования человека как информационной системы не ставят под сомнение сам факт того, что, имея дело с человеком, мы имеем дело именно с информационной системой, которая стремится к своему информационному пределу – к целостности.

В данном контексте Р и И интересуют нас не как разновидности (типы) сознания, а как типы сознания, которые становятся типами управления информацией. Р и И становятся центрами разных информационных комплексов.

На этом стоит остановиться подробнее. Типы отношения к миру человека зависят от соотношения познавательного (сознательного, рационального) и приспособительного (чувственного, иррационального) начал. Преобладание начала познавательного (вижу то, что хочу видеть, а не то, что есть) ведет к появлению человека познающего, собственно, человека разумного, во главу угла своей жизнедеятельности ставящего отношение познания (и только после этого, и только в связи с познанием учитывающего потребности характера психологического). Преобладание начала приспособительного (вижу то, что хочу видеть, а не то, что есть) меняет информационную картину мира: приспособление как акт идеологический становится актуальнее отношения познания, вера – важнее знания (познания), душа – приоритетнее сознания.

Начало познавательное реализует себя с помощью *абстрактно-логических понятий*, которые психика (начало чувственное) воспринимать не способна. Начало приспособительное функционирует на базе таких носителей информации, как *образы*, которые воспринимаются психикой, но не распознаются сознанием.

Важно подчеркнуть: мы говорим не просто о разных типах отношения к миру, мы говорим о разных версиях человека как существа информационного. В основе всех человеческих проблем человека лежит вот этот принципиальный пункт: душа (*psyche*) становится информационным эпицентром мира – или сознание (инстанция, противоположная душе)?

Понятно, что в представленных нами тезисах присутствует момент упрощения информационной картины; однако присутствует также и момент внесения порядка в сферу чрезвычайно запутанную, в сферу «человек – информация – отношения», где человек представлен как субъект и объект информационного взаимодействия.

Теперь настал черед рабочих определений. Начнем с информации.

В гуманитарном смысле информацией мы будем считать любое «сообщение», поступившее в психику из внешнего мира. Психика воспринимает информацию и, далее, адресует ее сознанию.

Вот с такой информацией, воспринятой соответствующими «человеческими» системами восприятия, обработки и хранения, и работает культура.

Отсюда следует: нет психики – нет информации, нет сознания – нет информации. Вне психики и сознания любые сигналы или «сообщения» информацией не являются. Кроме того, работа с информацией предполагает «по умолчанию» учет такого фактора, как тип управления информацией. Информация и ее интерпретация не просто «идут рука об руку», но представляют собой разные аспекты единого целого – информационного поля.

В этой связи определение интеллекта (И) и разума (Р) должно учитывать следующие позиции.

1. И уже не психика, но еще не разум.

2. И, конечно, нельзя отрывать от психики, но еще грубее отождествлять его с психикой. И может продлять и усиливать функции психики (функции приспособления человека к миру в ущерб отношению познания) – но именно потому, что И уже отделен от психики.

3. И работает с понятиями, а психика нет. И в сотворении информационной картины мира отведена особая, отличная от психики, функция.

4. И нельзя отрывать от разума (Р), но еще грубее отождествлять его с Р. Несмотря на то, что и Р, и И работают с понятиями и системами понятий их функции в работе человека с информацией существенно различаются. Р отвечает, если так можно сказать, за целостное восприятие мира, за связь «всего со всем»; И – за линейное, фрагментарное, одномерное «постижение мира» (так сказать, за логику).

5. И отведена маргинальная роль – быть слугой двух господ: Р и психики. Это определяет амбивалентную сущность интеллекта: с одной стороны, он может «сливаться» с психикой, образуя с ней целостный альянс; с другой – он, несомненно, по природе своей ближе к разуму, он и есть, собственно, разум, только в своем зародышевом состоянии.

Интеллект – это способность управлять информацией, которая ограничена системным характером своей структуры. Предел информационных возможностей интеллекта – распознавать системы систем. Структурный признак системы – соотношение *части и целого*, при этом целое состоит из частей, замена которых не ведет к утрате идентичности целого (здесь интеллект выступает как инструмент *диалектической логики*).

Однако системы систем способны складываться в качественно новое информационное образование – в целостность, которую легче *ощутить*, нежели аналитически ее воспроизвести. Структурный принцип целостности: каждый *момент целого* промаркирован свойствами целого, состоящего из моментов целого (например, океан состоит из капель, каждая из которых репрезентирует свойства океана), и утрата момента сказывается на свойствах целостности. *Целостность* или *системность* также даются нам в ощущениях. Так приспособительный ресурс психики начинает работать как потенциал познавательный. Когнитивные чувства (разумные эмоции, то есть эмоции, производные от деятельности разума) – это продукт и эмоциональное сопровождение разумной деятельности человека.

Интеллектуальные эмоции, также способные мобилизовать человека на решение задач любой сложности, весьма схожи по эффекту с эмоциями разумными; однако если вторые действительно направляют потенциал человека в русло познания (что делает человека адекватным реальности), то первые часто возникают по поводу того, что желаемое принимается за реальное. Иллюзия часто становится для человека реальным стимулом.

Путь познания противоречив, иногда он осуществляется в форме приспособления. Иногда от интеллекта до разума – один шаг, иногда – пропасть. Вот эта предрасположенность человека к информационной гибкости, лабильности, амбивалентности и помогает ему, и мешает. Чтобы извлечь больше пользы из такого положения вещей, лучше сочетать гибкость с принципиальностью – лучше разделять интеллект и разум по функциям, в том числе по культурным функциям. Если разграничивать цивилизацию и культуру как типы управления информацией, то следует признать, что в основе цивилизации лежит интеллект, в основе культуры – разум.

Таким образом, *разум – это способность управлять информацией, которая выходит на уровень целостности, где проявляется связь всего со всем.* Если мир целостен, един, то это единство должно проявляться в плане информационном – и прежде всего в информационном. Например, информационная структура таких нравственных отношений, как любовь, свобода, стремление к истине («нравственный закон внутри нас», по Канту) должна быть однородна со структурой вещества, из которого состоит вселенная («звездное небо над головой», по Канту). Это в большей мере предположение, нежели констатация научно зафиксированного факта; тем не менее целостность должна включать человеческое измерение в «нечеловеческое». Физика и математика в своих высших измерениях должны как-то пересекаться с высшими культурными ценностями. Не станем лукавить, это «всего лишь» ощущение, когнитивная эмоция, которые – а вот тут внимание! – в один прекрасный момент могут трансформироваться в научную интуицию. Философия находит свое подтверждение в физике, а физика – в философии: это утверждение сложнее опровергнуть, нежели подтвердить.

Разум в этой связи можно определить как особого рода интеллект, считающийся с логикой бессознательного, обогащающийся такой логикой, которая меняет качества исследуемого объекта с системного на целостный; все это превращает разум в *инструмент тотальной диалектики*, в инструмент моделирования идеального смысла, который принято называть истиной. Именно *связь всего со всем* порождает тотальную диалектику как научный способ постижения целостности; с другой стороны, «все» становится объектом исследования, благодаря тотальной диалектике. «Теория всего» – это феномен, рожденный тотальной диалектикой.

Итак, информационная система человека – это космический продукт, не только «гуманитарный». Именно поэтому определение «человек есть существо информационное» представляется гораздо более содержательным, многоплановым по сравнению с теми определениями, которые детерминируют природу человека путем выделения либо природной, либо социальной, либо духовной доминанты (например: человек – существо биосоциальное).

После всего сказанного уместно перейти к литературе и посмотреть, как присутствие в ней таких нелитературных категорий, как И и Р, определяют саму суть художественности, ее «вещество» и структуру. Строго говоря, все тайны творчества также заключены в «магическом пространстве», которое можно определить как зона взаимодействия психики и сознания (при уникальной роли И в таком взаимодействии).

Начнем с небольшого отступления. Литература, как известно, говорит с нами языком образов, чувственно воспринимаемых, в отличие от абстрактно-логических понятий, языка науки. Литература психологична настолько, что иногда ее называют «душеведением», писателей, соответственно, – «инженерами человеческих душ».

В общем, литература и психика – близнецы-сестры.

При этом как-то упускается из виду, что содержанием образов являются все те же идеи, то есть понятия, организованные в системы. Иного – не идейного – содержания в природе не существует (в человеческом, гуманитарном смысле). Р и И, напомним, существуют как инструменты работы исключительно с понятиями.

Таким образом, Р и И присутствуют в литературе опосредованно, в скрытом виде; но без них не возникло бы самого феномена художественной литературы.

Выстраивая цепочку зависимостей «Р – И – Л (литература)», мы не абстрагируемся от образной природы литературы как вида искусства; в информационной картине под названием литературно-художественное произведение мы трактуем образы как способы организации информации, но не как особого рода информацию, которая не способна «конвертироваться» в понятия. С нашей точки зрения, в художественном произведении, как и во всех областях, имеющих человеческое измерение, присутствует один, универсальный тип информации, который сводим, в конечном счете, к понятиям; образы служат парадоксальной оболочкой (формой) понятий (они содержат то, что передавать «по определению» не могут), не меняя информационной природы как таковой.

В качестве примера, репрезентирующего нам функционирование Р и И в материале художественном, обратимся к повести «Пиковая дама» А.С. Пушкина. Это произведение интересно как раз тем, что представляет конфликт Р и И «в чистом виде». Боле того, конфликт Р и И стал предметом художественного исследования в повести. Невероятная интуиция Пушкина сделала «Пиковую даму» шедевром, занимающий особое место в русской и мировой литературе.

Характеризуя главного героя повести Германна, обрусевшего немца, военного инженера, мы должны прежде всего ответить на вопрос: что определяет его мировоззрение, его картину мира как идейную систему, как систему ценностей?

Конкретизируем вопрос с учетом задач нашего исследования: с помощью чего выстраивается эта система ценностей именно как система?

С помощью чувств? Система стала результатом эмоциональной реакции?

Ответ, очевидно, будет отрицательным: с помощью чувств систему не создашь. Ее можно создать только с помощью инстанции, противоположной чувствам, а именно: с помощью либо И, либо Р.

Герман не делает из своего внутреннего мира никакой тайны; более того, наличие тайны в таком деликатном вопросе, как личностный, душевный мир, его, скорее, раздражает. Он получает удовольствие не от присутствия тайны, а от возможности представить внутренний мир человека как линейно-логический, непротиворечивый дискурс. Поэтому он не проговаривается в отличие от тех, кто пытается скрыть свои мотивы поведения, а выговаривается, выводя на чистую воду главные мотивы человека. Он не стесняется их, потому что считает их универсальными. Бросите камень в Германна – попадете в людей. Во всех людей сразу.

Германн, фамилия которого содержит недвусмысленную семантику (Herr Mann, «Господин Человек»), инженер, имевший «сильные страсти и огненное воображение», всегда и во всем следовал безупречно положительному, выверенному девизу: *«я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее»*. Приоритет рационального над эмоциональным был главным моральным (sic!) принципом Германна.

При этом Германн сделал ставку на тот тип сознательного отношения, который характеризуется «железной» или «холодной» логикой, ориентированной на несомненные (следовательно, объективные) ряды зависимостей, складывающихся в жесткую систему. Укажем на главные «части» системы.

Деньги – мера всех вещей.

Следовательно, цель и смысл жизни – деньги.

Чтобы тебя уважали в обществе, надо добиться богатства (ибо деньги – мера всех вещей).

Каким способом, какой ценой ты «зарабатываешь» вожаемые деньги – совершенно не важно (ибо деньги – мера всех вещей). Любой ценой – это именно про деньги.

Нравственно – иметь деньги, безнравственно их не иметь (ибо деньги – мера всех вещей).

Важно только то, что помогает добиться богатства; все остальное не важно.

Деньги становятся силой в мире людей.

Кто силен – тот и прав.

Победителей не судят, ибо: деньги – мера всех вещей.

Такой вот железобетонный нравственный кодекс должен был обеспечить Господину Человеку (образ всемогущего Наполеона в качестве колоритного штриха витал над ним, словно нимб) победу; более того, кодекс был залогом и даже гарантом победы. В основе такого кодекса – интеллект, высшая мыслимая инстанция в информационной картине мира. Если не интеллект – то что же?

Интеллект, интеллект и еще раз интеллект.

Но Герман просчитался, «обдернулся», поставил не на тот кодекс. Почему? Что может быть выше правильного и, следовательно, освященного светом истины отношения Германна к жизни?

Ответ на этот вопиющий вопрос в произведении присутствует не как внятная «контрсистема», а как многозначительный намек, как своего рода семантическое облако (в развернутом виде ответа нет) – что, понятно, только усиливает раздражение Германна.

Если бы провальный проект Германна стал результатом персональной ошибки инженера, если бы Германн не сделал того, что должно, уклонившись хоть на йоту от императива «деньги – мера всех вещей», то наказание последовало бы правильно, настигло бы того, кто пожертвовал необходимым в надежде приобрести излишнее.

Но Германн не поддался соблазну, он сделал все идеально, как должен был сделать. Почему же он не стал победителем?

В конце повести он не ропщет, не выказывает претензий; он просто сходит с ума, словно отказываясь принимать чуждый высокому интеллекту порядок вещей: Германну не за себя, ему за истину обидно.

Истина: вот уровень его претензий к мирозданию. И он ведет диалог не с Лизой – что ему «бедная воспитанница» по меркам вселенского расклада! – и не с графиней Анной Федотовной; он является участником совсем другой игры, где ставка – вера в незыблемость миропорядка, основанного на культе силы.

Какие силы стоят за бедной графиней? В том, что это именно силы, нет сомнений: «- Я пришла к тебе против своей воли, - сказала она твердым голосом, - но мне велено исполнить твою просьбу». Чья воля направила графиню к Господину Человеку? Кем было велено исполнить настойчивую просьбу Германна?

Все это уровень небес, горних инстанций, которые не принято беспокоить всуе. И ведь что главное: небеса были на стороне Германна, они направили к нему графиню и велели исполнить его просьбу.

Но случилось невозможное: карта Германна, которую всучили ему небеса, оказалась бита. Он сошел с ума – просто потому, что перестала работать безупречная логика. И теперь мир остался без прикрытия, без всевидящего ока Справедливости. Как тут не сойти с ума? Все логично.

Что правит миром, если не логика?

В повести, повторим, рассыпаны зерна иных истин. Если собрать их в нечто целое, получим картину весьма противоречивую, но по-своему логичную.

Мера всех вещей – человек.

Цель и смысл жизни – счастье.

Уважают в обществе не только за богатство, но и за качества, которые мешают стать богатым: например, за щедрость.

Способ получения денег столь же важен, как и сами деньги.

Можно иметь деньги, и быть при этом безнравственным; а можно не иметь денег, будучи нравственно опрятным.

Альтернативная система ценностей (зерна иных истин) просматривается в жизненных стратегиях доверчивой Лизы, ветреного Томского, склонной к безрассудному риску графини, в образе мудрого повествователя, наконец. Эти персонажи вырабатывают новую консолидированную идеологию: не отрицая ценности денег, они отрицают абсолютизацию денежного отношения к жизни.

Кто прав: Германн или противостоящие ему персонажи? Кто из них объективной истине более ценен?

Строго говоря, известную правоту Германна, которую разделяют с ним буквально светские толпы, – «молодые люди, расчетливые в ветреном своем тщеславии» и «наглые и холодные невесты, около которых они увивались», – отрицать нельзя. Германн по-своему прав – ровно в том отношении, в каком прав

интеллект. Германн является воплощением интеллектуального типа отношения к жизни. Он логичен, непротиворечив, и потому убежден, что небеса сполна вознаградят его в первую очередь за правоту, за принципы, которые угодны мирозданию. Ключевые слова здесь – *логичен* в определенном отношении и *непротиворечив*. Все остальные – именно противоречивы, то есть они пытаются совместить сразу несколько противоречащих друг другу принципов.

Германн не просто рассуждает, он поддерживает эту логику (единственно верную, и никак по-другому), воплощает ее – и тем самым служит Богу Интеллекта. Вот этот момент самоотверженного, самозабвенного служения Германна нельзя упускать из виду, иначе логика его поведения не складывается в идеологию.

Финал повести принципиален: небеса (за которыми иронично сквозит воля всемогущего в рамках произведения *образа автора*) заставили Германна «обдернуться», глупо ошибиться, поставив все на интеллект; само «провидение» издевательски предпочло противоречивые, но более разумные (и потому более человечные) принципы.

Обратим внимание: персонаж, противостоящий Германну – «образ автора», за которым сурово маячит «личность писателя», – невидим, никак не воплощен, его как бы нет. Главный оппонент Германна – нечто незримое, нематериальное, но вполне реальное: тип управления информацией.

Если распространить указанный принцип как точку сборки мировоззренческой картины на всю литературу (ограничимся пока что всей русской), то легко увидеть, что сложные, умные герои (самый известный и совершенный из которых – Онегин) ориентированы на принципы противоречивости (пора сказать – *универсальности*), что делает героев «лишними»; герои попроще, типа простодушного злодея Германна, ориентированы на принципы логической одномерности (системности). В результате мы имеем парадокс: неисключительный, типичный по своей информационной родословной Господин Человек выступает как среда по отношению к исключительному (с точки зрения одномерной логики – явно лишнему) Онегину.

Интеллектуальный – следовательно, типичный.

Разумный – следовательно, лишний.

Вот эта «информационная история» Интеллект vs Разум в литературно-художественном произведении принимает характер противостояния Индивид vs Личность. Эта история хорошо известна в русской литературе под названием «горе от ума».

Господин Человек в этом контексте воспринимается, с одной стороны, как Великий и Ужасный, потому как очень-очень сильный; с другой стороны – как модель ограниченной своими информационными возможностями системы, пусть даже идеальной. Германн – это карикатура на индивид, доведенный до мыслимой степени своего совершенства.

Именно так: совершенный индивид – это карикатура на человека, который кроме интеллекта обладает еще и разумом (пусть даже до поры до времени и незаметно для самого себя).

Универсальный, вселенский конфликт Индивид vs Личность традиционно трактуется как информационный конфликт начала плюралистического (несущего в зародыше зерна либерализма) и авторитарного, тоталитарного, нормативного (условно). Как системы систем и системы. Как индивидоцентризм и

социоцентризм. Универсальный информационный конфликт (нравственно-философский) вуалируется моральными коллизиями, «извечным» противостоянием добра – зла, ада – рая и прочими нелепостями.

Персоноцентризм в литературе присутствует на правах лишнего начала – несмотря на то, что является определяющим в информационной картине произведения.

Таким образом, чтобы увидеть в произведении персоноцентризм, наука о литературе сама должна стать персоноцентричной (пока что она либо индивидо-, либо социоцентрична).

В «Пиковой даме» конфликт Индивид vs Личность (за которым сквозят контуры Интеллект vs Разум) личность писателя как полноправный субъект сознания, информационно структурирующий произведение, недвусмысленно решает в пользу Личности, Разума. В этом культурное величие произведения, ни в чем ином.

Существует, конечно, собственно эстетическая сторона дела (стиль, «чистая красота»). Но в том-то и суть, что стиль «Пиковой дамы» и сам тип художественности определяются природой информационного конфликта и природой его истолкования, то есть уровнем и качеством «личности писателя», высшей информационной точки отсчета, вершины информационной пирамиды, каковой (пирамидой) является любое произведение.

Следует подчеркнуть, что восприятие информационной пирамиды зависит уже от личности читателя (то есть от Личности, как ни крути). Можно веками читать не то, что написано, – собственно, до тех пор, пока великий шедевр, воспринимаемый как интеллектуальный информационный паззл, не сложится в целостную информационную картину. Строго говоря, сегодня так и происходит. Даже «Пиковую даму», пиковое прозаическое произведение Пушкина, многие читают как мистическую и криминальную историю, за деревьями (сюжетом и героями) не различая леса (конфликта типов управления информацией). Из «Пиковой дамы» выводят «Преступление и наказание», обнаруживая общие гносеологические корни «петербургских» текстов. Но информационный (следовательно, культурный) герой, можно сказать, кумир Достоевского – Германн; все «положительно прекрасные» персонажи Достоевского, информационные клоны Германна, становятся морально (не нравственно, заметим, ибо нравственность – «ужасно» противоречивая философия морали) совершенными, не меняя своей информационной сути. Увы, так не бывает. К сожалению (и к счастью), стать хорошим и добрым, отвергая разум с позиций интеллекта, невозможно. Добро – это результат разумного отношения, зло – качество отношения интеллектуального. Эти «душевные» категории, как и прочие им подобные, на самом деле являются информационным продуктом (хотя *кажется*, что они не имеют отношения к проблеме Интеллект vs Разум).

Что касается «личности писателя», реального культурного героя «Пиковой дамы», то это антипод, проще говоря, враг всех «прекрасно-положительных», сходящих с ума от противоречий жизни главных персонажей Достоевского, с помощью интеллекта абсолютизирующих мораль. В целом же писатель Достоевский сколь угодно глубок – но он принципиально одномерен. Системен. Не целостен. Если душу анализировать (постигать) с помощью интеллекта (не ра-

зума), никогда не сделаешь решающий шаг – никогда не разведешь два разных типа управления информацией. Вот и получается, что глубина Достоевского состоит из душевных опасений по поводу того, что миром правит не душа, а разум. Душа догадывается, что она представляет собой великое ничто, пустоту, завуалированную глубиной чувств. Душа через посредничество интеллекта тянется к разуму (больше в «человеческом измерении» тянуться не к чему), но не доверяет ему.

Л. Толстой при всех нюансах – скорее, глубок в своей одномерности, нежели глубок в решающем информационном раскладе: он также пожертвовал Личностью во имя «глубины» человека (противоречиво отвергая при этом одномерность индивида). Как бы ни было, разуму Л. Толстой отводит, скорее, деструктивную роль в душевно-духовном континууме человека.

И Достоевского, и Л. Толстого в отношении Личности и Разума логично было бы «приписать» к допушкинскому, доличностному этапу в развитии литературы. При этом необходимо оговориться, что всемирных русских гениев отличает то, что они крайне противоречивы в своем стремлении быть непротиворечивыми. Их картина мира зачастую разумна, отвергая разум как высшую информационную точку отсчета. (Подробнее о характере персонцентризма в творчестве Л. Толстого и Достоевского см. здесь: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/14162>)

Эпоха массовой литературы стала эпохой исчезновения Р и Личности из культурного пространства. Массовая литература потому и стала массовой, что научную формулу Интеллект vs Разум она подменила мифологемами Глубокий Интеллект vs Бедный Интеллект, Добро vs Зло и т.д. Главный миф массовой литературы, который она тщательно возвращает, это, якобы, Массовая литература vs Классическая литература, где литература массовая фактически занимает нишу литературы современной. Массовая литература потому и стала массовой, что она резко упростила информационную картину мира. Появление проблемы Интеллект vs Разум в качестве культурной проблемы лишает массовую литературу шансов на культурное существование, поэтому у Р нет более непримиримого врага, чем массовая литература.

В заключение отметим, что конфликтная ситуация Интеллект vs Разум, проанализированная нами в «Пиковой даме», лежит в основе скрытого, как правило, конфликта всей мировой литературы. Это универсальный конфликт, питающий все «вечные темы», растворяющийся в них, и разные национальные литературы мира лишь с разной степенью «универсальности» осмысливают его. Литературе и литературоведению трудно смириться с тем, что природу такого «непостижимого объекта», как литература, следует искать в теории информации. «Вечные темы» и «борьба добра со злом» – это главные мифы литературоведения, результат интеллектуального отношения к литературе. Кажется, что сам результат – вечный итог, сухой-пресухой остаток, к которому ни убавить, ни прибавить.

По версии философии литературы главным результатом научного (разумного) отношения к литературе являются категории «информация» и «личность».

Что стоит за дебатами Философия литературы vs Современное (иное) литературоведение?

Разум vs Интеллект. Ничего личного.